

«Мои анекдоты. Листки из “Моих записок”» (1915) создаются как продолжение «Моих записок», опубликованных в 1908 году в альманахе «Шиповник». В 1916 году Леонид Андреев публикует в журнале «Новый Сатирикон» (№32 от 22 декабря) еще три анекдота: «О рекламе», «О справедливости», «О ценности слов». Как было сказано ранее, для Андреева свойственно конструировать художественный мир последовательно и стереоскопично: уточнять сюжетные схемы в рамках одних и тех же интересующих его тем, представлять конфликты в разных модальностях. Эта же особенность подмечена в номере газеты «Утро России» (1915, № 354, 25 декабря), где публикуется первая часть «Моих анекдотов»: «”Мои записки”, быть может, лучший рассказ Л. Андреева... Для лиц, читавших повесть и знакомых с характером безымянного автора “Записок”, вполне понятно, что он не мог уйти сразу и совсем без примечаний к себе самому, без каких-нибудь запоздалых открытий»¹. В заголовочном комплексе, принципиально значимом для поэтики цикла, существенную роль играет связь с претекстом анекдотов, что подкрепляется комментарием редакции, автором которого мог быть как сам Л. Н. Андреев, так и критик И. В. Иванов². Важно отметить, что содержание комментария поддерживает замысел самого автора.

В своей работе А.М. Гомон определяет «Мои анекдоты» как «цикл анекдотических историй, в которых рассказчик, преисполненный мрачного скепсиса и желчной, язвительной иронии, гротесково сопрягает комизм предельно простых житейских ситуаций с трагичностью человеческого удела как такового»³. Исследователь выделяет в нем две тематических группы. Первая группа («Бочка», «О рекламе», «О справедливости») связывается с обличением мещанского образа мышления, во вторую группу входят анекдоты на тему смерти, показанную «в гротесково-сниженном ироническом контексте»⁴: «Триумфатор», «Танец», «Сладость сна», «Сладость веры», «О ценности слов».

Принимая во внимание классификацию А. М. Гомона, мы рассматриваем анекдоты второй группы и близкие к ним более поздние анекдоты, но не с точки зрения сюжета, а с точки зрения представленного в них типа героя. Это связано с особой природой жанра, «тяготеющего к цикличности»⁵, определяемой не отдельными сюжетами, а типом героя, который так или иначе «притягивает» их. В этом плане «Мои записки» можно считать частью автобиографии героя, предвещающей и объясняющей «целенаправленность отбора сюжетов»⁶.

Осужденный на пожизненное заключение, автор «Моих записок», собиратель курьезных случаев, с одной стороны, полемизирует с христианскими постулатами: подбирая к ним контраргументы в виде зарисовок из реальной жизни, которые фиксирует на полях Библии. С другой стороны, он изображается как носитель циничного сознания, для которого смех в ситуации смерти допустим. Очевидно, что для героя под определение

¹ Андреев Л. Н. Письма к А.П. Алексеевскому // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 г., Л.: 1979. С. 192.

² Там же. С. 192.

³ Гомон А. М. «Смеховой мир» прозы Леонида Андреева: Дис. ... канд. филол. наук. Харьков: Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, 2004. С. 174.

⁴ Гомон А. М. «”Смеховой мир” прозы Леонида Андреева»: Дис. ... канд. филол. наук. Харьков: Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, 2004. С. 176.

⁵ Курганов Е. Я. Анекдот как жанр // Курганов Е. Я. СПб.: Академический проект, 1997. С. 53.

⁶ Там же. С. 54.

смешного попадает то, что ранее было отмечено Ф. М. Достоевским в романе «Бесы»: «...в каждом несчастье ближнего есть всегда нечто веселящее...»⁷.

Записанные истории осознаются и фиксируются «дедушкой» как анекдоты: установка на смех дается как в развернутом пояснении смеховой ситуации, так и в реакции посетителей, описанием которой завершается четыре из пяти анекдотов цикла: «Мои дорогие посетители много смеялись, когда я рассказал им этот случай»⁸.

В «Триумфаторе» смешной кажется смерть «юного и отважного авиатора»⁹, который ударяется головой «о чей-то дружеский каблук»¹⁰ и погибает в момент ликования по случаю своего покорения высоты в четыре тысячи метров и успешного возвращения на землю (ср. с «Большим шлемом»: заветная комбинация карт находится в руках Масленникова, но вместо триумфа героя читатель становится свидетелем его внезапной смерти).

В «Танце» в качестве объекта смеха выступает повешенный молодой человек, одетый в бальный костюм, предсмертные судороги которого сравниваются с «каким-то новым танцем»¹¹. Причиной смеха, какой видит ее наблюдатель, кроется в несовпадении «существа факта и его формы»¹², иными словами, «формы и содержания», что составляет одну из основных причин смеха, отмеченной еще Цицероном¹³. В отличие от «Триумфатора» противоречие, послужившее причиной смеха, кажется очевидным для самих свидетелей, рассказчик лишь фиксирует их впечатления и комментарии, но включение этой истории в цикл анекдотов свидетельствует о сходстве взглядов на комическое.

В анекдоте «Сладость сна» причиной смеха становится подмена понятий «сна» и «смерти», которые зачастую могут выступать метафорами друг друга. В анекдоте сон и смерть в представлении осужденного, подвергнувшегося длительной пытке, совпадают, что делает его поведение нелепым и несообразным ситуации: он «своими руками торопливо»¹⁴ надевает петлю. «Деметафоризация»¹⁵ приводит к смещению образного плана с восприятия смерти как вечного сна к смерти как единственной его гарантии. За счет такого семантического смещения и «переключения эмоционально-психологических регистров»¹⁶ обновляется точка зрения на мироустройство: смерть не вызывает страха и сопротивления, наоборот, оказывается желанной и мыслится как единственный способ избавления от земных мучений (то же видим в «Рассказе о Сергее Петровиче», «Рассказе о семи повешенных»).

«Сладость веры» не случайно заканчивает цикл анекдотов: здесь объектом «непрерывного» смеха выступает вера человека в чудо бессмертия. Жена, увидевшая капли воды на лбу супруга, образовавшиеся в результате конденсации, отказывается верить в его

⁷ Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Полн. Собр. соч.: В 30 т. Т. 10. Л.: Наука, 1972. С. 255.

⁸ Андреев Л. Н. Мои анекдоты // Андреев Л. Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1995. С. 34.

⁹ Там же. С. 30.

¹⁰ Там же. С. 31.

¹¹ Там же. С. 32.

¹² Там же. С. 32.

¹³ Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве // Цицерон М. Т. М.: Наука, 1972. С. 236.

¹⁴ Андреев Л. Н. Мои анекдоты // Андреев Л. Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1995. С. 33.

¹⁵ Курганов Е. Я. Анекдот как жанр // Курганов Е. Я. СПб.: Академический проект, 1997. С. 32.

¹⁶ Там же. С. 32.

смерть, что вызывает «непрерывный смех»¹⁷ молодого врача (в последующем собирателя анекдотов), приехавшего засвидетельствовать факт смерти. Эта история — единственная среди всех анекдотов, свидетелем и участником которой стал сам «дедушка». Стоит отметить, что при эстетической обработке трагической истории фокус рассказчика направлен именно на обнаружение комического: «вопиющая очевидность факта оказалась бессильною перед сладостью веры»¹⁸. «Сладость веры» оказывается единственным анекдотом, который лишается «проверки» со стороны «дорогих посетителей», а непосредственно обращен к читателю.

Сюжет отрицания факта смерти уже встречался в ранних произведениях Леонида Андреева, но в иной модальности. Так, в повести «Жизнь Василия Фивейского» сопротивление отца Василия смерти Семена Мосягина и попытка его воскресить вызывает хохот неких мистических сил и становится объектом художественного изображения. В «Елеазаре» возможность преодоления человеком смерти вызывает не смех, а ужас перед опытом человека, сумевшего заглянуть за ее порог.

Если рассматривать «Мои анекдоты» как «продолжение или некоторый комментарий к повести “Мои записки”»¹⁹, на чем настаивал Леонид Андреев, можно обнаружить, что одной из форм высказываний философского учения «дедушки» намеренно выбирается анекдот.

Анекдот как жанр претендует на «принадлежность к этому миру»²⁰, а значит, находится ближе к реальности в отличие от книжной истины. Кроме того, как риторический жанр он привязан к одной из предложенных тем и призван «обновлять» существующую и часто общепринятую точку зрения на явление, ситуацию, понятие. Парадоксальность, свойственная анекдоту, представляет собой одну из особенностей мышления героя — человека, осужденного на пожизненное заключение в одиночной камере. Этот контекст кажется важным для понимания эстетики смешного и того образа героя, которому она принадлежит. Герой «Моих записок», «дедушка», как называют его окружающие, выстраивает свою философию, согласно которой тюрьма является идеальной моделью мироустройства, т. к. в ней исключены случайности (интересно, что объектом изображения в анекдотах становятся именно случайности, «курьезы» из реальной жизни, которые зачастую носят роковой характер).

Осужденный использует анекдот как жанр, требующий диалогичности и открытости, предпочитая его притче, использование которой кажется более привычным при изложении учения философского характера. В отличие от притчи анекдот лишен авторитарности²¹, его слово «принципиально разомкнуто»²², т. е. нуждается в слушателе. Заголовочный комплекс «Мои анекдоты» выполняет роль эмоционально-психологической установки, определяющей горизонт читательских ожиданий как сборника необычных, парадоксальных, смешных (хотя анекдот может не быть смешным и быть трагическим²³,

¹⁷ Андреев Л. Н. Мои анекдоты // Андреев Л. Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1995. С. 36.

¹⁸ Там же. С. 35.

¹⁹ Андреев Л. Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1995. С. 486.

²⁰ Курганов Е. Я. Анекдот как жанр // Курганов Е. Я. СПб.: Академический проект, 1997. С. 11.

²¹ Тюпа В. И. Художественность Чеховского рассказа // Тюпа В. И. М.: Высшая школа, 1989. С. 17.

²² Там же. С. 18.

²³ Курганов Е. Я. Анекдот как жанр // Курганов Е. Я. СПб.: Академический проект, 1997. С. 12.

это же подчеркивает Ю. А. Карабчиевский, рассуждая о комическом²⁴) зарисовок, в которых сталкиваются «несовместимые точки зрения»²⁵. Объяснения смешного в этом случае поддерживают идею анекдота как жанра, вызывающего смех.

Комментарии рассказчика, начинающиеся с формулы: «Здесь смешно то, что...»²⁶, с одной стороны, раскрывают понимание героем смешного: заблуждения, самообман, нелепые случайности, смерть — все это попадает под определение «черного юмора». С другой стороны, выступают в качестве пуанта и дискредитируют говорящего. Пуантирующий характер объяснению придает «насмешливая отстраненность»²⁷ автора, а также несовпадение с читательским пониманием комического. Можно предположить, что анекдот с последующим объяснением смешного обращен к читателям, с целью приобщить их к эстетической установке рассказчика и разделить с ними так же, как и с гостями, особое понимание комического, сделать читателей частью «круга»²⁸ смеющихся. Однако разъяснение смешных моментов осознается как чужеродный элемент: хороший анекдот не нуждается в толковании, иначе теряется элемент спонтанности, абсурдности, что и вызывает соответствующую реакцию у адресата. Так, настоящей «солью» анекдота²⁹ оказывается не курьез, описанный дедушкой, а организующее слово рассказчика: описание случая, пояснение смешного, подтверждение права на смех со ссылкой на реакцию «дорогих посетителей». Кроме того, в этом случае меняется и объект смеха: смешным кажется не случай, а непосредственно сам «дедушка», допускающий и проповедующий смех в ситуации смерти как обличение человеческой глупости.

Объектом смеха «дедушки» выступает «область страданий»³⁰, что, на первый взгляд, не характерно для здорового сознания. Однако, как отмечает Н. О. Осипова, для анекдота характерно обращение к «моральному юмору»³¹ как способу создания противоположной системы ценностей. Анекдот, по мнению исследователя, «опрокидывает в смех то, что в общепринятом смысле кажется слишком серьезным и жутким»³². Анекдот, в основе которого находится комическое изображение моральной ситуации, не просто обновляет восприятие действительности, а узаконивает право человека видеть смешное в смерти. Важно заметить, что подобное понимание смешного принадлежит обывательскому пошлому сознанию, претендующему на признание. Так, смех в ситуации смерти утверждает, прежде всего, пошлую, «нижечеловеческую» модель мира.

Претензия на владение абсолютной истиной сближает героя с юродивыми. Подобное конструирование идей и слепое следование им как некой вере получает в одноименном фельетоне Леонида Андреева за 1901 год название «дикая утка». Искаженное представление о свободе, которое проповедует герой, наделяет его жизнь в тюрьме смыслом. Анекдоты, записанные на полях Библии, служат одновременно подтверждением его идей и опровержением книжных истин. Философия «дедушки» служит способом

²⁴ Карабчиевский Ю. А. Воскресение Маяковского // Карабчиевский Ю. А. Мюнхен: Страна и мир, 1985. С. 108.

Курганов Е. Я. Анекдот как жанр // Курганов Е. Я. СПб.: Академический проект, 1997. С. 46.

²⁶ Андреев Л. Н. Мои анекдоты // Андреев Л. Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1995. С. 31.

²⁷ Тюпа В. И. Художественность чеховского рассказа // Тюпа В. И. М.: Высшая школа, 1989. С. 17.

²⁸ Бергсон А. Смех. М.: Искусство. 1992. С. 13.

²⁹ Тюпа В. И. Художественность чеховского рассказа // Тюпа В. И. М.: Высшая школа, 1989. С. 18.

³⁰ Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976. С. 17.

³¹ Осипова Н. О. Смех и смерть в русской культурной традиции: истоки и трансформация мотива // Slavica Wratislaviensia CLXVII. 2018. С. 31.

³² Там же. С. 31.

адаптации к новым условиям, она воспринимается как форма бунта только им самим. В действительности же, его смирение и отрицание другого образа жизни не более чем защитная реакция перед «мучительными формами бытия»³³. Придуманные человеком формулы не могут претендовать на статус абсолютной идеи. Но и заимствованная «чистая» идея не может быть усвоена человеком и воплощена в жизнь, она будет опошлена равным образом как человеческим сознанием, так и «тюремным»³⁴ устройством земного бытия.

Последним анекдотом, раскрывающим тему смешного в трагическом и трагического в смешном, является анекдот «О ценности слов» (1916). Он представляет собой рассказ о смертной казни: осужденный посвящает свое последнее слово рекламе калош «Монополь», фирмы, которая гарантировала ему значительную сумму на содержание его семьи взамен на рекламу, произнесенную с эшафота. Анекдот строится на профанации права последнего слова (подобная развязка встречается в рассказе «Оригинальный человек» (1904), где Семен Васильевич Котельников вместо исповеди продолжает утверждать фальшивую формулу: «Я, батюшка, очень люблю негритянок. В них есть нечто экзотическое»³⁵).

Однако закон пуанта как неожиданная смена «эмоционально-психологических регистров»³⁶ здесь срабатывает дважды: первый раз во время произнесения рекламы в качестве последнего слова, второй раз при демонстрации «дедушкой» тех самых калош, как вещественного доказательства случившегося. Герой придает калошам статус артефакта, свидетельствующего о мере человеческой глупости: «нелепую любовь к какой-то женщине и детям человек поставил выше заботы о своей бессмертной душе»³⁷. Вместе с тем покупка калош обнажает «филистерское чувство гордости от обладания вещью»³⁸ в «дедушке», подчеркивая парадоксальность его мышления и ставя под сомнение этическую сторону его понимания смешного.

В «Моих анекдотах» и их продолжении ключевым способом демонтажа становится использование двойного пуанта сначала в структуре «курьезного пустячка», затем в объяснении смешного, в чем истинный анекдот не нуждается. Это позволяет, с одной стороны, создать эффект «смешной смерти», с другой стороны, в пределах этого же текста разоблачить его, связав с кощунствующим сознанием рассказчика.

Важно заметить, что у Л. Н. Андреева нет произведений, в которых именно смертельная ситуация (или ситуация страдания) становится объектом смеха, наоборот, в произведениях подобного рода смех связывается с героем-обывателем, абсурдность жизни которого становится наиболее очевидной именно в ситуации смерти.

Библиография

1. Андреев Л. Н. Письма к А.П. Алексеевскому // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 г., Л.: 1979. С. 192.

³³ Иоффе И. И. Избранное. Синтетическая история искусств. Введение в историю художественного мышления. В 2 ч.: Ч. 1. М.: РАО Говорящая книга, 2010. С. 506.

³⁴ Там же. С. 506.

³⁵ Андреев Л. Н. Оригинальный человек // Андреев Л. Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. С. 428.

³⁶ Курганов Е. Я. Нелепое в литературе. Исторический анекдот в текстах писателей. М.: Издательство АСТ, 2020. С. 25.

³⁷ Иезуитова Л. А. Примечания. К 125-летию со дня рождения Леонида Николаевича Андреева: Известные тексты; Перепечатки забытого; Биографические материалы // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж. 1995. Вып. 5. С. 205.

³⁸ Гомон А.М. «Смеховой мир» прозы Леонида Андреева: Дис. ... канд. филол. наук. Харьков: Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, 2004. С. 178.

2. Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6 т. / Леонид Николаевич Андреев. – Т. 5 : Рассказы; Пьесы 1914 – 1915; Сатирические миниатюры для сцены 1908 – 1916 / [редкол.: И. Андреева, Ю. Верченко, В. Чуваков; коммент. М. В. Козьменко]. — М. : Художественная литература, 1995. — 511 с.
3. Бергсон А. Смех. — М. : Искусство, 1992. — 128 с.
4. Гомон А. М. «Смеховой мир» прозы Леонида Андреева: дис. ... канд. филол. наук. — Харьков: Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, 2004. — 209 с.
5. Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 10. — Л.: Наука, 1972. — 522 с.
6. Иезуитова Л. А. Примечания. К 125-летию со дня рождения Леонида Николаевича Андреева: неизвестные тексты; перепечатки забытого; биографические материалы // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. — Воронеж, 1995. — Вып. 5. — С. 192 – 208.
7. Иоффе И. И. Избранное. Часть 1. Синтетическая история искусств. Введение в историю художественного мышления. — М. : РАО Говорящая книга, 2010. — 655 с.
8. Карабчиевский Ю. А. Воскресение Маяковского. — Мюнхен: Страна и мир, 1985. — 286 с.
9. Курганов Е. Я. Анекдот как жанр // Курганов Е. Я. — СПб. : Академический проект, 1997. — С. 123.
10. Курганов Е. Я. Нелепое в литературе. Исторический анекдот в текстах писателей. — М. : Издательство АСТ, 2020. — 256 с.
11. Осипова Н. О. Смех и смерть в русской культурной традиции: истоки и трансформация мотива // Slavica Wratislaviensia CLXVII. — Wrocław, 2018. — С. 23–34.
12. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. — М. : Искусство, 1976. — 183 с.
13. Тюпа В. И. Художественность Чеховского рассказа // Тюпа В. И. — М. : Высшая школа, 1989. — С. 135.
14. Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве. М.: Наука, 1972. 471 с.